

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА МИНДОВГА В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКОЙ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX в.
(на примере Н. Г. Устрялова и Д. И. Иловайского)**

Стукачева Юлия Юрьевна,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы (г. Гродно, Беларусь)

В статье представлена оценка российскими консервативными историками XIX века (на примере Н.Г. Устрялова, Д.И. Иловайского) религиозного фактора в военно-политической деятельности великого князя литовского

Миндовга. Эти оценочные позиции названных историков рассматриваются на общем фоне позиции российской историографии.

С включением Речи Посполитой в состав Российской империи повысился интерес российских историков к истории Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского. Миндовг привлекал внимание историков как основатель ВКЛ, который, укрепляя новосозданное государство, активно использует в своей политической деятельности различные приемы, в том числе и религиозный фактор.

Общие оценочные подходы русской исторической науки имперского периода к исторической полонистике (в том числе и к ВКЛ) рассматриваются как ее фундаментальные идеи [1-2]. Они имели консервативно-национальный характер. Среди них были положения, относящиеся к религиозной сфере: о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши и ВКЛ; западнорусские земли (территории современных Беларуси и Украины) признавались только частью единой православной России и не могли интегрироваться в составе польско-литовской государственности или существовать в качестве самостоятельных образований [3].

Суть историософской концепции Н.Г. Устрялова состоит в обосновании того, что Россия представляет собой особую страну и отличается от Запада. В ней господствует порядок жизнеустройства, согласующийся с требованиями истинной веры и политической мудрости [559, с. 165]. Историк говорил о праве Москвы на Западную Русь; ВКЛ в его оценке до соединения с Польшей рассматривалось как русская государственность [3, с. 65]. Исходя из фундаментальных положений ВКЛ как русское государство, отсюда и столь благожелательное отношение к первым князьям ВКЛ, в том числе к Миндовгу.

Н.Г. Устрялов писал о Миндовге как о «храбром и хитром» главе литовских «конунгасов, или князьков», вышедших из своих лесов в то время, когда Русь попала под влияние монголо-татар [3, с. 6]. Миндовг смог завоевать Полоцкое, Минское и Витебское княжества, а после направил напор литовцев на юг, где «раздвинули пределы свои до самого Пинска и грозили завоеванием Волыньских княжеств». Чувствуя опасность, князь Даниил Романович заключил оборонительный союз с князьями польскими и с орденом Ливонским, а также использовал внутренние междоусобицы литовских князей, чтобы ослабить ВКЛ. Осознавая неустойчивость своего положения, Миндовг «прибегнул к хитрости: изъявляя желание креститься со всем народом, он просил покровительства римского папы Александра IV, получил от него сан королевский в награду за мнимое усердие к христианской вере и при посредничестве его избавился от меченосцев». С князем Даниилом Романовичем заключил мирный договор, вернув ему Новогрудок, Слоним и Волковыск, а также выдал «дочь свою за меньшего сына его Шварна, с обещанием не тревожить Волыни». Устрялов отмечает, что Миндовг «обманул и папу, и Даниила: остался язычником» и снова решил захватить Волыньские земли, но не успел, так как был убит своими родственниками [4].

Наиболее известным воплощением теоретических консервативных идей позднего славянофильства была 5-томная «История России» Д.И. Иловайского. Концептуальной основой трудов историка выступала российская государственность в ее историческом развитии, понимаемая как неотъемлемый атрибут национальной жизни. Исходя из фундаментальных положений выдвигалось исто-

риком положение о ВКЛ как втором центре собирания русских земель, благожелательное отношение к литовской государственности до Кревской унии.

Д.И. Иловайский так же, как и Н.Г. Устрялов, вводил оценку личности великого князя литовского. Например, он отмечал находчивость Миндовга, его умение маневрировать и пользоваться обстоятельствами, что способствует усилению его власти и укреплению ВКЛ.

Д.И. Иловайский подробно останавливается на действиях Миндовга против своих противников. Историк отмечает, что первоначально от участия в союзе отказались польские князья («ляхи»). Д.И. Иловайский пишет, что, крестившись, Миндовг «благодаря покровительству папы получил от немцев помощь против своих остальных врагов». В качестве благодарности за помощь Миндовг подарил ордену некоторые территории Литвы и Жмуди. Особую важность имеет следующее замечание Д.И. Иловайского: «но, кажется, он дарил немцам те земли, которые в сущности не только ему не принадлежали, а, напротив, были с ним во вражде» [5].

Все также детально Иловайский прописывает действия Миндовга против Тевтонского ордена: «Пока они были ему опасны или нужны, он ловко прикидывался их другом и усердным католиком; но, сознавая стремление Тевтонского и Ливонского ордена к постепенному порабощению всего литовского народа, хитрый литвин ждал только случая нанести удар и воротить Литовские и Жмудские области». Ранее жители этих территорий боролись с укреплением власти Миндовга, но, испытав «насильственное обращение в христианство, отнятие земель у туземных державцев и раздачу их духовенству и немецким рыцарям», сами попросили помощи великого литовского князя. Как считал Д.И. Иловайский, дождавшись нужного момента, когда языческие племена его поддержат, Миндовг выступил уже открыто. Будучи христианином только де-юре, он тайно «продолжал приносить жертвы старым богам и соблюдать все прежние суеверия». Миндовг отрекся от христианства. В этом действии Д.И. Иловайский видит политический жест, связанный с тем, что литовские племена упорно придерживались язычества и не любили самого Миндовга за принятие христианства [5].

Таким образом, историки консервативной историографии XIX века рассматривали ВКЛ как русское православное государство, как второй центр собирания русских земель, высказывали благожелательное отношение к литовской государственности до Кревской унии

Эти историки сходились на мысли, что принятие Миндовгом христианства было лишь политической хитростью. Некоторая разница наблюдалась не в оценочных подходах, а в описании религиозно-политической деятельности Миндовга: Устрялов писал кратко, не затрагивая деталей, соблюдая общую мысль. Иловайский, используя детали событий, проводил между ними причинно-следственные связи, позволяющие получить полную картину происходящих событий.

Литература

1. Якубский, В.А. *Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в.* / В.А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб, 2000. – Вып. 2. – С. 3–15.
2. Кручковский, Т.Т. *Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор* / Т.Т. Кручковский // ИАВБ. – 2016. – № 2. – С. 29–37.

3. Кручковский, Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века : моногр. / Т.Т. Кручковский. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 383 с.

4. Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 года [Электронный ресурс]. – Петрозаводск: Фолиум, 1997. – Режим доступа: <https://na5ballov.pro/lib/drevrus/1818-ustryalov-ng-russkaya-istoriya-do-1855-goda-v-dvuh-chastyah.html>. – Дата доступа: 4.03.2020.

5. Иловайский, Д.И. История России. Том 1. Часть 2 [Электронный ресурс]. – М.: Типография П. Лебедева, 1880. – Режим доступа: http://az.lib.ru/i/ilowajskij_d_i/text_1880_istoriya_rossii_tom-1-2_vladimirskiy_period.shtml. – Дата доступа: 5.03.2020.